

КЭТРИН СТЕДМАН

КЭТРИН СТЕДМАН

ОПАСНАЯ

НАХОДКА

ОПАСНАЯ НАХОДКА

ЧТО СИЛЬНЕЕ — ЛЮБОВЬ ИЛИ ЖАЖДА ДЕНЕГ?

Эрин мечтала о медовом месяце на Бора-Бора. Но вместо райского отдыха им с мужем Марком пришлось стать участниками смертельно опасного приключения. И все из-за сумки, которая зацепилась за их лодку... Сумки, в которой оказались пачки денег, бриллианты, пистолет и телефон с флешкой. Пара решает оставить находку себе. Позже Эрин обнаруживает на телефоне голосовое сообщение, в котором некто просит вернуть флешку в обмен на два миллиона евро. Но флешка пропала! Кто же мог ее украсть?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5138-0

9 786171 251380

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

ОПАСНАЯ НАХОДКА

CATHERINE STEADMAN

**SOMETHING
IN THE WATER**

A Novel

КЭТРИН СТЕДМАН

ОПАСНАЯ НАХОДКА

Роман

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2018 **СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

УДК 821.111(73)
С79

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency” и “The Van Lear Agency”

Переведено по изданию:
Steadman C. Something in the Water / Catherine Steadman. —
New York : Ballantine Books, 2018. — 352 p.

Перевод с английского *Татьяны Ивановой*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-5138-0
ISBN 978-1-524-79718-8 (англ.)

- © Depositphotos.com / Ave-sun, SandraFotodesign, обложка, 2018
- © Catherine Steadman, 2018
- © Hemigo Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Посвящается Россу

Победу, изложенную со всеми подробностями, трудно отличить от поражения.

*Жан-Поль Сартр. Дьявол и Господь Бог*¹

Вот я улыбнусь, улыбка моя канет на дно ваших зрачков, и один только Бог знает, что с нею станется.

*Жан-Поль Сартр. Нет выхода*²

---

¹ Перевод Г. С. Брейтбурда. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Перевод С. Лихачевой.

1

Суббота, 1 октября

Могила

Вы никогда не задумывались, сколько понадобится времени, чтобы вырыть могилу? Можете больше не гадать. На это уходит вечность. Сколько бы вы ни представили, смело умножьте этот срок на два.

Я уверена, вы видели подобное в фильмах: герой (вполне возможно, с приставленным к затылку пистолетом) потеет и кричит, все глубже вкапываясь в землю, пока не оказывается в собственноручно вырытой могиле. Или парочка незадачливых преступников, не прекращая спорить и препираться, бесшабашно и хаотично машет лопатами так, что комья земли взлетают в воздух с мультяшной легкостью.

На самом деле все совсем иначе. Рыть могилу нелегко. Земля плотная, тяжелая и поддается с трудом. Это чертовски утомительно.

И скучно. И долго. И никуда от этого не деться.

Стресс, адреналин, отчаянная животная потребность *сделать это* поддерживают вас примерно минут двадцать. А потом вы ломаетесь.

Мышцы конечностей словно испаряются, и кожа прилипает к костям, а кости к коже. Сердце болит, отходя от адреналинового шока, уровень сахара в крови падает, вы как будто врезаетесь в стену. Всем телом, с разгона. И при этом с кристальной ясностью осознаете, что как бы вы себя ни чувствовали, как бы ни были измотаны, а яму выкопать придется.

И тогда вы переключаете передачу. Наступает середина марафона, когда новизна уже выветрилась и остается лишь дойти до финиша этого проклятого забега. Вы вложились, вы инвестировали все, что имели. Вы сказали всем своим друзьям, что сделаете это, заставили их внести пожертвования в ту или иную благотворительную организацию, с которой вы только косвенным и случайным образом связаны. И они с виноватым видом пообещали внести больше денег, чем хотели пожертвовать изначально, чувствуя себя обязанными из-за какой-нибудь велосипедной прогулки или чего-то подобного, вместе пережитого в университете, подробностями чего они утомляют вас всякий раз, когда напьются. Я все еще говорю о марафоне, следите за ходом моей мысли. Потому что затем вы каждое утро в одиночку выходите на пробежку, и ваши лодыжки ноют от усталости, в наушниках пульсирует музыка, вы преодолеваете милю за милей — ради этого. Ради того чтобы сразиться с собой, с собственным телом, именно там, в тот самый решающий момент, и посмотреть, кто победит. И никто, кроме вас, не видит этой битвы. И всем, кроме вас, на нее наплевать. Потому что только вы, лично вы пытаетесь выжить. Вот на что это похоже, когда вы роете могилу, — на ощущение, будто музыка смолкла, но нельзя перестать танцевать. Потому что, если вы перестанете танцевать, вы умрете.

Так что вы продолжаете копать. Продолжаете потому, что альтернатива этому куда хуже, чем рытье проклятой бездонной дыры в твердой спрессованной земле при помощи лопаты, найденной в сарае какого-то старика.

Вы копаете дальше, и перед глазами у вас проплывают цветные пятна: это фосфены, вызванные метаболической стимуляцией зрительных нейронов коры головного мозга низким уровнем кислорода и сахара в крови. В ушах шумит: из-за обезвоживания и перенапряжения упало артериальное давление. Но мысли? Мысли скользят по спокойному озеру сознания, лишь мельком тревожа водную гладь. И уплывают прежде, чем вам удастся их уловить. Разум абсолютно чист. Центральная нервная система воспринимает эту перегрузку как ситуацию «бей или беги» и реагирует соответственно, как любят писать в спортивных журналах, «выработкой эндорфинов в ходе физических упражнений»,

что одновременно тормозит мыслительный процесс и защищает мозг от приступов боли и стресса, вызванных вашим занятием.

Измотать себя — прекрасный способ уравновесить свои эмоции. Бегом на марафонские дистанции или рытьем могил.

Примерно через сорок пять минут я решаю, что глубины в метр восемьдесят для этой могилы мне достичь не удастся. Я не сумею добиться положенных шести футов. Мой рост — сто семьдесят сантиметров. Как же я потом выберусь из нее? Я же в буквальном смысле сама себя закопаю.

По данным аналитической компании *YouGov*, сто семьдесят сантиметров — это идеальный рост для жительницы Британии. Как выяснилось, британцы хотели бы видеть рядом спутниц именно такого роста. Так что мне повезло. И Марку. Боже, как жаль, что Марка со мной нет.

Ладно, если я не смогу вырыть могилу глубиной в шесть футов, то какую тогда смогу? Какой глубины мне хватит?

Тела чаще всего находят из-за небрежного захоронения. Я не хочу, чтобы это произошло в данном случае. Совсем не хочу. Я стремлюсь к прямо противоположному результату. А небрежные захоронения, как, в принципе, и все небрежное, являются следствием трех пунктов:

- Недостатка времени;
- Недостатка инициативы;
- Недостатка усердия.

Что касается времени: на эту работу у меня есть от трех до шести часов. Три часа — это по моим скромным подсчетам. Шесть часов — до конца светового дня. То есть времени достаточно.

Инициатива, как я считаю, тоже есть: два мозга лучше, чем один. Надеюсь. Нужно лишь все тщательно осуществить, шаг за шагом.

И пункт третий: усердие. Боже, уж его мне хватает! С лихвой. Я никогда в жизни ни над чем так усердно не трудилась.

Девяносто два сантиметра — минимальная глубина, рекомендованная ИРПК (Институтом регулирования погребений и кремации). Я знаю это, потому что изучала вопрос в интернете. Обратилась к «Гуглу», прежде чем взяться за лопату. Видите —

инициатива. Усердие. Я сидела на корточках рядом с телом, вдавливая прелые листья в грязь, и искала в «Гугле», как это тело похоронить. Зайдя в браузер с одноразового телефона мертвеца. Если найдут тело... *тело не найдут* ... и сумеют восстановить данные... *никто не восстановит данные*... то история поисковых запросов станет для кого-то захватывающим чтивом.

Спустя два часа я прекращаю копать. Яма теперь чуть больше трех футов глубиной. У меня нет рулетки, но я помню, что три фута — это примерно высота моего паха. Высота самого высокого прыжка, который мне удалось совершить во время отдыха в конно-спортивном лагере, перед отъездом в университет, двенадцать лет назад. Эту путевку мне подарили на восемнадцатилетие. Странные вещи порой застревают в памяти, верно? И вот, стоя по пояс в могиле, я вспоминаю конно-спортивные состязания. К слову, я получила второе место. И очень этому радовалась.

Ладно, так или иначе, я вырыла яму глубиной примерно в три фута, шириной в два фута и длиной в шесть. Да, на это ушло два часа.

Напоминаю: копать могилу *очень* тяжело.

Чтобы вам было проще представить: размеры этой ямы, возникшей после двух часов труда, 3 x 2 x 6 футов, а это 36 кубических футов земли, то есть кубический метр земли, то есть 1,5 тонны земли. И это вес легкого хэтчбека, или взрослого китавелухи, или среднего гиппопотама. Вот что я — в земляном эквиваленте — переместила выше и чуть левее изначального положения. При этом могила вышла глубиной всего в три фута.

Я оглядываю груды земли и медленно выбираюсь наверх; предплечья дрожат, когда я опираюсь на них. Тело лежит напротив меня под порванным брезентом палатки, яркий кобальт которого резко выделяется на фоне коричневой лесной подстилки. Палатку я нашла, ее кто-то бросил, она свисала с ветки, как вуаль, неподалеку от стоянки, и ей составлял компанию брошенный же холодильник. Маленькая дверца морозилки тихо поскрипывала на ветру. Всеми забытая.

Есть что-то очень печальное в выброшенных вещах, правда? Разрушение. Но и своя красота. В некотором смысле я здесь для того, чтобы выбросить тело.

Холодильник простоял тут довольно долго — я знаю это, потому что видела его из окна машины, когда мы проезжали мимо три месяца назад, и до сих пор никто его не забрал. Тогда мы с Марком возвращались в Лондон из Норфолка, отпраздновав нашу годовщину, и вот, несколько месяцев спустя, холодильник все еще стоит здесь. Странно думать о том, что с нами, со мной столько всего произошло, а это место совсем не изменилось. Словно выпало из времени и стало зоной ожидания. Чем-то оно ее напоминает. Возможно, тут и не было никого с тех пор, как хозяин холодильника оставил свои вещи, и только Богу известно, как давно это произошло. Сам холодильник явно родом из семидесятых — ну, знаете, в том угловатом стиле. Квадратно-кубическом. Монолит на фоне сырого английского леса. Устаревший. Он простоял здесь как минимум три месяца, и никто его не забрал даже на свалку. Потому что сюда явно никто не ходит. Кроме нас. Ни муниципальные служащие, ни недовольные местные жители, которые могли бы написать жалобы в муниципалитет, ни собачники, которые рано утром могли бы наткнуться на мои раскопки. Это самое безопасное место из всех, которые мне известны. Поэтому мы здесь. Пройдет много времени, прежде чем земля осядет. Но я думаю, что у нас с холодильником времени будет достаточно.

Я оглядываю его — холмик под скомканной палаткой. Холмик из мышц, кожи, костей, зубов. Из плоти, мертвой уже три с половиной часа.

Я думаю о том, не теплый ли он до сих пор. Мой муж. Не теплый ли он на ощупь? Я вбиваю в поисковую строку этот вопрос. Потому что не хочу, чтобы ответ стал для меня шоком.

Ладно.

Ладно, руки и ноги должны быть уже холодными, но само тело может до сих пор сохранять тепло. Хорошо.

Я делаю глубокий вдох и выдох. И так, пора...

Я останавливаюсь. Стоп.

Не знаю зачем, но я удаляю историю поиска в телефоне. Это бессмысленно, я знаю, телефон невозможно отследить, а пролежав несколько часов в сырой октябрьской земле, он перестанет работать. Но вдруг не перестанет? Я кладу телефон обратно в карман его плаща и достаю из нагрудного кармана его личный айфон. Он в режиме полета.

Я просматриваю галерею фотографий. Наших с ним фото. Слезы наворачиваются мне на глаза, а потом двумя горячими ручейками стекают по лицу.

Я убираю остатки палатки, открывая то, что под ней пряталось. Вытираю с телефона отпечатки пальцев, возвращаю телефон во все еще теплый нагрудный карман и готовлюсь перетаскивать ношу.

Я вовсе не плохой человек. Или плохой. Может быть, вы сможете решить?

Но я определенно должна все объяснить. А чтобы объяснить, мне придется вернуться назад. На три месяца назад, ко дню нашей годовщины.

2

Пятница, 8 июля

Утро годовщины

Мы проснулись до рассвета. Мы с Марком. Это утро нашего праздника. Годовщина того дня, когда мы с ним познакомились.

Мы остановились в бутик-отеле с пабом на морском берегу в Норфолке. Марк нашел его в приложении к «Файненшл таймс» под названием «Как потратить деньги». Он оплатил подписку на журнал, но времени ему хватает только на чтение приложений. Впрочем, «ФТ» не соврал, это действительно оказалось «уютное загородное гнездышко вашей мечты». И я рада, что мы выбрали именно этот способ «потратить деньги». Конечно, строго говоря, это пока не мои деньги, но, полагаю, они скоро таковыми станут.

Отель и вправду оказался идеальным уютным гнездышком, со свежими морепродуктами, холодным пивом и кашемировыми пледами. «Челси-у-моря», как называли его в путеводителях.

Последние три дня мы гуляли до тех пор, пока мышцы не начинали гудеть, а щеки — гореть от английского солнца и ветра. Наши волосы пахли лесом и солью моря. Прогулки, потом секс, душ, еда. Просто рай.

Отель был построен в 1651 году как постоянный двор для работников таможни, останавливавшихся здесь на своем нелегком пути в Лондон, и примерно с тех пор хвастался тем, что знаменитый уроженец Норфолка, победитель Трафальгарского сражения вице-адмирал Горацио Нельсон был его постоянным посетителем. Он останавливался в номере 5, напротив нашего, каждую субботу и читал там депеши все пять лет, пока был отлучен от флота. А я-то всегда думала, что, однажды попав в военно-морской флот, человек в нем остается навсегда. И вот, пожалуйста. Такое случается даже с лучшими из нас. Но, так или иначе, за прошедшие годы и аукционы по продаже скота, и выездные сессии судов, и фестивали имени Джейн Остин со всеми их радостями проводились именно в этом отеле.

Книга на кофейном столике в нашем номере с восторгом сообщала, что предварительные слушания по делу печально известных бернемских убийц проходили в том, что теперь стало приватной столовой на первом этаже. Я засомневалась насчет того, насколько эти убийцы «известные», печально или нет. Ведь я о них определенно ничего не слышала. Поэтому стала читать дальше.

История началась в 1835 году с того, что жену сапожника вдруг стало ужасно тошнить прямо во время семейного обеда, на глазах у ее мужа. Миссис Тейлор, которую стошнило, как оказалось, была отравлена мышьяком. В кладовой кто-то подмешал мышьяк в муку, и его следы позже были обнаружены при вскрытии в тканях желудка умершей. Расследование же показало, что у мистера Тейлора был роман с их соседкой, некоей миссис Фэнни Биллинг. И Фэнни Биллинг недавно приобрела в местной аптеке мышьяка на три пенни. Этот мышьяк оказался в мешке с мукой в доме Тейлоров, откуда впоследствии попал

в клетки, оборвавшие жизнь миссис Тейлор. Судя по всему, мистер Тейлор в тот вечер от клеток отказался. Возможно, мистер Тейлор придерживался безуглеводной диеты.

Как показал в ходе расследования еще один сосед, некая миссис Кэтрин Фрэри в тот день побывала в доме Тейлоров, и люди слышали, как она потом говорила Фэнни: «Стой на своем, и нам ничего не сделают».

После чего выяснилось, что муж и ребенок Кэтрин так же внезапно умерли за две недели до случившегося.

Тут заподозрили злой умысел. Желудки мужа и ребенка Кэтрин отправили в Норвич, где анализ подтвердил наличие в них мышьяка. Свидетель в доме Тейлоров заявил, что он видел, как Кэтрин навещала больную миссис Тейлор после того, как ту стошнило, и видел также, как она добавляла белый порошок «на кончике ножа из бумажного пакета» в жидкую кашу для больной, чтобы отравить ее во второй раз. И теперь уже смертельно. Неделей ранее две женщины тем же способом отравили невестку Кэтрин.

Кэтрин и Фэнни были повешены в Норвиче за тяжкое убийство своих мужей, а также миссис Тейлор, ребенка Кэтрин и ее же невестки. Согласно «Еженедельному вестнику Найлса», 17 октября 1835 года преступницы «отправились в вечность на глазах огромной толпы (двадцати или тридцати тысяч) зрителей, более половины из которых были женщинами». *Отправились в вечность.* Какой высокопарный слог!

Странно только, что историю «бернемских убийц» включили в информационный буклет гостиницы, учитывая то, для кого предназначены такие отели выходного дня.

Будильник срабатывает в половине пятого утра, и мы просыпаемся в теплом гнездышке из пуховой перины и простыней египетского хлопка. Молча натягиваем одежду, приготовленную еще с вечера: тонкие хлопчатобумажные футболки, ботинки для прогулок, джинсы, шерстяные свитера, которые пригодятся, пока солнце еще не взошло. Я готовлю нам кофе в маленькой кофе-машине, пока Марк причесывается в ванной. Марк не тщеславен ни по каким стандартам, но, как и большинство муж-

чин за тридцать, собираясь куда-нибудь, он бóльшую часть времени уделяет своим волосам. Мне нравится эта его черта, маленькая брешь в его идеальности. Мне нравится то, что я могу собраться быстрее. Кофе мы пьем уже полностью одетые, сидя на пуховом одеяле, открыв окна. Он обнимает меня, мы молчим. У нас еще достаточно времени, чтобы запрыгнуть в машину и добраться до пляжа прежде, чем встанет солнце. Рассвет начнется в 5:05 — так указано на ежедневной информационной карточке, лежащей возле кровати.

В относительной тишине мы добираемся до Холкхэм-бич, дышим и думаем. Мы вместе, но наедине с нашими мыслями и друг с другом. Пытаемся справиться с тяжелой сонливостью, которая пока еще не выветрилась. Во всем этом присутствует дух своеобразного ритуала. Волшебство проникает в нашу жизнь, и мы впитываем его, как суккулент воду. Мы уже продельвали это раньше — одна из «только наших» традиций. Утро нашей годовщины. Когда мы въезжаем на парковку, я думаю, будем ли мы все так же праздновать этот день после того как поженимся — через два месяца. Или тот день станет нашим новым днем годовщины?

Мы вступаем в густую тишину Холкхэм-Холла. Тишину то и дело пронизывают птичьи трели. Олени на прилегающем к парковке поле, застыв, смотрят на нас, когда мы хлопаем дверями. Мы смотрим на них в ответ, замороженные, пока они не начинают снова щипать траву.

Наша машина сегодня оказывается в числе первых на глинистом гравии парковки, чуть позже тут станет куда оживленней — всегда становится, с появлением собак, фургонов для лошадей и всадников, а также целых семейных кланов, стремящихся насладиться последними днями хорошей погоды. Потому что скоро похолодает. Впрочем, так говорят каждый год, разве нет?

А пока что мы никого не встречаем, шагая по гравийным дорожкам в сторону огромного пустынного пляжа Холкхэм, к четырем милям золотисто-белого песка, окруженного сосновыми лесами. Ветер с Северного моря колышет островки диких трав, пронося струйки песка над гребнями высоких дюн. Целые мили нетронутых песчаных наносов, море, и ни души вокруг. Неземной

пейзаж в предрассветных сумерках. Совершенно пустынный ландшафт. Он всегда ощущается как начало с нуля. Как Новый год. Марк берет меня за руку, и мы шагаем с ним к берегу. У края воды мы стягиваем ботинки и входим в ледяное Северное море, подвернув джинсы до колен.

Его улыбка. Его глаза. Его горячая рука, крепко сжимающая мою. И острое прикосновение ледяной воды к ногам, посылающее вверх обжигающее тепло. *Обжигающий холод*. Мы идеально подгадали со временем. Небо начинает светлеть. Мы смеемся. Марк отсчитывает секунды до 5:05, глядя на часы, и мы терпеливо смотрим на горизонт над водой.

Небо светлеет до сумерек, а затем солнце выныривает из серебристой воды. Желтый свет разливается по горизонту, плавно перетекая в персиковые и розовые оттенки на низких облаках, а за ними все небо расцветает синевой. Лазурной синевой. Ха! Это невероятно красиво. Так красиво, что у меня кружится голова.

Когда мы больше не можем выносить холод, я бреду обратно на берег, наклоняюсь на мелководье, чтобы смыть песок с ног, прежде чем снова надеть ботинки. Мое обручальное кольцо ловит все великолепие солнца, преломляющееся в кристально чистой воде. Дымка раннего утра уже рассеялась, воздух влажный, соленый и чистый. Все такое яркое. Такое ясное. Самый лучший день года. Всегда. И столько надежды, каждый год.

Марк попросил моей руки в прошлом октябре, после своего тридцать первого дня рождения. И хотя мы были вместе уже несколько лет, для меня это все равно стало сюрпризом. Иногда я думаю, не упускаю ли я в жизни больше, чем другие люди. Возможно, я недостаточно внимательна или просто не очень хорошо умею видеть, к чему все идет. Поэтому события часто застают меня врасплох. Всегда удивляюсь, когда слышу от Марка, что тот-то и тот-то не любит то-то и то-то, или что я кому-то нравлюсь либо вызываю какую-то сильную реакцию. Я никогда подобного не замечаю. И это, наверное, к лучшему. То, чего ты не знаешь, не может тебе навредить.

А Марк все замечает. Он очень хорош в общении с людьми. Люди начинают сиять, когда он приближается к ним. Они его

любят. И почти всегда, в тех редких случаях, когда мы с Марком делаем что-то не вместе, меня спрашивают изумленным и разочарованным тоном: «А разве Марка не будет?» Я не обижаюсь, потому что сама чувствую то же самое. Марк любую ситуацию меняет к лучшему. И он слушает вас, правда слушает. Поддерживает зрительный контакт. Не агрессивно, а так, что это подбадривает людей; его взгляд говорит: «Я здесь, и мне здесь нравится». Люди ему интересны. Марк не отводит взгляда, он находится рядом с вами.

Мы сидим высоко на дюне, оглядывая раскинувшееся перед нами пространство неба и моря. Здесь, наверху, ветер сильнее. Ветер воет у нас в ушах. Я радуюсь тому, что мы надели теплые свитера. Грубая ирландская шерсть пахнет зверем так же сильно, как и греет. Тема разговора перемещается к будущему. К нашим планам. Мы всегда в этот день строим планы. Принимаем решения, и, как мне кажется, подводим итоги половины года. Мне всегда нравилось планировать наперед, еще с детства. Я люблю это занятие. Обожаю подводить итоги. Марк до нашего с ним знакомства никогда этим не занимался, но мгновенно включился — ему подходит сама прогрессивно-футуристическая природа этого занятия.

Мои планы на полугодие ничем особенным не отличаются. Рутинa: больше читать, меньше смотреть телевизор, эффективнее работать, проводить больше времени с любимыми, грамотнее питаться, меньше пить, быть счастливой. А потом Марк говорит, что хочет больше сосредоточиться на работе.

Марк занят в банковской сфере. Да, знаю, знаю, фу и гадость. Но я могу сказать лишь одно: он не мерзавец. В этом вам придется мне поверить. Он не из тех типов, которые «Итон — клуб любителей выпить — выпускник команды игроков в поло». Он хороший йоркширский парень. Ну да, его отец, конечно же, не был шахтером. Мистер Робертс, теперь уже вышедший на пенсию, был консультантом пенсионного фонда «Прюденшиал» в Ист-Райдинге.

В Сити Марк продвигался быстро, сдал положенные экзамены, стал трейдером, специализировался на золоте, его перема-

нили, его повысили, а затем случилось то, что случилось. Финансовый крах.

У финансовой индустрии отвалилось дно. Все, кто это понимал, были в ужасе с самого первого дня. Они видели, как все это раскручивается и к чему ведет. В принципе, Марку ничто не грозило. Его работа была безопасна — по крайней мере, безопаснее, чем раньше, потому что он специализировался именно на том, в чем нуждались все после кризиса, — на суверенных долгах. Однако премии всем состригли. Что тоже было не страшно, мы не перешли на хлеб и воду, пугало только то, сколько друзей Марка потеряли работу. Что еще меня тогда пугало, так это вид взрослых людей в слезах: у них были дети в частных школах, ипотечные кредиты, которые они больше не могли себе позволить. Их жены не работали с первой беременности. Ни у кого не было запасного плана. В тот год люди приходили к нам на обед и плакали. И уходили из нашего дома, извиняясь, смело улыбаясь, обещая снова увидеться с нами, как только вернутся в родные города и поставят свою жизнь на прежние рельсы. От большинства из них мы больше не получали ни весточки. Только слышали, что кто-то вернулся в Беркшир, чтобы жить вместе с родителями, кто-то уехал работать в Австралию, кто-то развелся.

Марк сменил банк; в старом уволили всех его коллег, и в итоге ему пришлось работать за пятерых сотрудников, в связи с чем он решил попробовать себя в другом месте.

Этот новый банк мне не нравился. Он был каким-то странным. Работавшие там мужчины умудрялись выглядеть одновременно толстыми и жилистыми. Но они были не в форме и курили. Против курения я ничего особенно не имела, вот только теперь в нем чувствовался дух нервного отчаяния. И это меня тревожило. Пахло желчью и разбитыми мечтами. Коллеги Марка иногда выбирались с нами выпить и с презрительными усмешками поливали грязью своих жен и детей, не смущаясь моего присутствия. Словно, если бы не эти женщины, они сейчас отдыхали бы где-нибудь на пляже.

Марк не такой, как они. Он следит за собой. Он бегает, плавает, играет в теннис, ведет здоровый образ жизни, вот только

теперь он еще и одиннадцать часов в день сидит в одной комнате с этими людьми. Я знаю, что он сильная личность, но я вижу, как это его изматывает. И теперь, в наш самый главный день, в нашу годовщину, он заявляет мне, что хочет больше сосредоточиться на работе.

А это значит, что я буду меньше с ним видеться. Он и так работает слишком много. Каждый день встает в шесть, в половине седьмого выходит из дому, обедает на работе и добирается домой, ко мне, в половине седьмого вечера, совершенно истощенный. Мы ужинаем и разговариваем, иногда смотрим фильм, а потом он выключается в десять вечера, чтобы наутро начать все сначала.

— Вот это я и хочу изменить, — говорит он. — Я проработал там целый год. Когда я переходил на это место, мне обещали, что должность временная, пока мы не реструктурируем наш отдел. Но они не позволяют мне этого сделать. И явно не дадут реструктуризировать его и потом. Так что я вообще не занимаюсь тем, ради чего меня наняли. — Он вздыхает. Проводит рукой по лицу. — Я, в общем-то, не против. Но мне придется серьезно поговорить с Лоуренсом. Пусть или повысит мою годовую премию, или сменит команду, потому что некоторые из этих клоунов вообще не соображают, что делают. — Он замолкает, потом смотрит на меня. — Я серьезно, Эрин. Я не собирался тебе этого говорить, но после той сделки, которая состоялась в понедельник, Гектор звонил мне в слезах.

— Почему он плакал? — с удивлением спрашиваю я.

Гектор уже много лет работает с Марком плечом к плечу. Когда Марк ушел в другой банк, когда все начало рушиться, он обещал Гектору, что найдет ему должность, если тот решит уйти. И сдержал свое слово. Марк поставил условие, меняя место работы: или он переходит в новый банк вместе с Гектором, или не переходит вообще.

— Ты знаешь, что мы недавно ждали цифры, нужные для подписания сделки? — Он испытующе смотрит на меня.

— Да, ты разговаривал об этом на парковке, — говорю я, кивая, чтобы он продолжил.

Он вчера выскользнул из паба во время обеда и целый час расхаживал с телефоном по гравию парковки, пока его еда остыла. А я читала книгу. Я сама веду свое дело, мне хорошо знаком этот «телефонный шаг».

— Ага, и он сказал мне, что получил цифры. Парни из отдела торговых операций не хотели работать на праздники, чем серьезно осложняли ему задачу. Зато они назначили совещание после праздников, чтобы обсудить часы переработки и свою добросовестность. Просто смешно. В общем, Гектор поговорил с Нью-Йорком, попытался выяснить, какого черта никого нет на месте и почему цифры запаздывают. Они там все с ума сошли. Эндрю... Ты помнишь Эндрю из Нью-Йорка? Я рассказывал тебе...

— Тот парень, чьи вопли я слышала из твоего телефона на свадьбе Брианны? — перебиваю я.

Он фыркает и улыбается.

— Ага, Эндрю. Он очень нервный. Ну, в общем, Эндрю орет на Гектора по телефону, Гектор пугается, быстро вставляет цифры и тут же отправляет документы. И ложится спать. А когда просыпается, его ждет пара сотен пропущенных звонков и писем. Как выяснилось, кто-то опечатался и добавил лишнюю ноль к цифрам. Гер и другие ребята из отдела наверняка специально подстроили это, чтобы замедлить сделку. Они думали, что Гектор просмотрит файлы перед отсылкой и даст им неделю на исправления, они как раз к тому времени вернутся в офис. Но Гектор не проверил. Он просто все подписал и отправил. А теперь договор вступил в законную силу.

— Господи, Марк! А нельзя просто сказать, что это ошибка?

— Нельзя, дорогая. Вот поэтому Гектор позвонил мне и попытался объяснить: он не ожидал, что цифры окажутся неправильными, обычно он всегда все проверяет... но Эндрю велел срочно отправлять, и... И, Эрин, он начал плакать. А я... А я чувствую себя так, словно окружен абсолютными... — Марк замолкает и печально качает головой. — Так что я собираюсь забросить несколько удочек по поводу других мест. И буду на сто процентов доволен, даже если на новом месте премия и зарплата окажутся меньше: рынок все равно не вернет себе прежние позиции. Кого мы обманываем? Мне больше не нужен такой

стресс. Я снова хочу иметь время на жизнь. Я хочу тебя, я хочу, чтобы у нас были дети, чтобы мы проводили вместе вечера.

Мне нравится, как это звучит. Очень нравится. Я обнимаю его. Утыкаюсь лбом в его плечо.

— Я тоже этого хочу.

— Хорошо. — Он тихонько целует меня в волосы. — Я найдю хорошее место, подам заявление после того, как уляжется шумиха с Гектором, возьму оплачиваемый отпуск на время свадьбы и медового месяца. Приступлю, надеюсь, где-то в ноябре. К самому Рождеству.

Он уже брал раньше «оплачиваемый отпуск» — все, кто работает в финансовом секторе, берут вынужденный отпуск при смене работы, перед выходом на новую должность. Наверное, их отправляют в этот обязательный отпуск для того, чтобы помешать торговле инсайдерской информацией, по факту же они получают два оплачиваемых месяца свободы. План выглядит весьма неплохо. Марку повезло. Но и я наверняка смогу взять несколько недель отпуска. Мы можем превратить это время в чудесный медовый месяц. Я работаю над своим первым полнометражным документальным фильмом, но первую часть съемок я закончу до свадьбы, а потом у меня будет перерыв в три-четыре недели, прежде чем я возьмусь за вторую часть. И эти три или четыре недели определенно могут пойти нам на пользу.

В груди у меня растекается тепло. Это отлично. И нам обоим так будет лучше.

— Куда поедет? — спрашивает он.

— В свадебное путешествие?

Мы впервые заговорили об этом. До свадьбы осталось всего два месяца. Мы разобрались со всеми прочими деталями, но этот вопрос оставили на потом. Нетронутым, как неоткрытый подарок. Но, кажется, сейчас вполне подходящее время для того, чтобы обсудить эту тему. И меня восхищает представившаяся возможность — заполнить его только для себя на несколько недель.

— Давай устроим что-то безумное. Может быть, у нас в последний раз есть на это время или деньги, — выпаливаю я на одном дыхании.

— Да! — кричит он с такой же энергией.

— Две недели... нет, три недели? — предлагаю я. И, щурясь, продумываю график предстоящих съемок и интервью. Три недели — вполне реальный срок.

— Вот это дело. Карибы? Мальдивы? Бора-Бора? — спрашивает он.

— Бора-Бора... Звучит идеально. Я понятия не имею, где это, но звучит шикарно. Так что — к черту! Первым классом? Можем мы себе позволить первый класс?

Он улыбается мне.

— Мы можем позволить себе первый класс. Я забронирую билеты.

— Отлично! — Я никогда раньше не летала первым классом.

А потом я говорю то, о чем, возможно, буду отчаянно жалеть:

— Можем вместе поплавать с аквалангом, когда окажемся там. Я снова попробую, чтобы мы вместе нырнули.

Я говорю это, потому что мне кажется: именно так я могу показать Марку, как сильно его люблю. Как кошка сдохлой мышью в зубах. Хочет он того или нет, но я роняю эту мышь у его ног.

— Серьезно? — Он смотрит на меня с тревогой, хмурясь от солнца, а ветер треплет его темные волосы. Такого он не ожидал.

Марк — квалифицированный дайвер. Он пытался уговорить меня на погружение во время каждой совместной поездки, но я всегда боялась. Однажды я получила плохой опыт при погружении, до того, как мы познакомились. Я запаниковала. Ничего серьезного, но теперь одна мысль о погружении пугает меня до чертиков. Мне не нравится ощущать себя в ловушке. Мысль о давлении и медленных подъемах наводит на меня ужас. Но ради него я хочу это сделать. Новая жизнь, новые испытания.

Я улыбаюсь.

— Да, определенно. Я справлюсь. Что в этом сложного? Даже дети ныряют. Все будет в порядке.

Он смотрит на меня.

— Эрин Локе, я тебя чертовски люблю, — говорит он. Вот так вот.

— И я тебя, Марк Робертс, тоже дьявольски люблю.

Он наклоняется вперед, заставляя меня поднять лицо, и целует меня.

— Ты настоящая? — спрашивает он, глядя мне в глаза.

Мы уже играли в эту игру раньше, вот только на самом деле это вовсе не игра. Или игра? Игра разума, возможно.

На самом деле он спрашивает: «Это по-настоящему?» Ведь все так хорошо, что обязательно должен быть какой-то подвох, ошибка. Я, наверное, лгу. А я лгу?

Я задумываюсь на секунду. Позволяю мышцам лица расслабиться, пока он изучает меня. Позволяю зрачкам сузиться, как вселенная, и спокойно отвечаю:

— Нет.

Нет, я не настоящая. Это страшно. И я делала это всего несколько раз. Делала лицо совершенно пустым. Заставляла себя исчезнуть. словно сбрасывала настройки телефона к заводским.

— Нет, я не настоящая, — произношу я с пустым и открытым лицом. Все должно выглядеть так, словно я говорю это всерьез.

Эффект лучше, когда все кажется реальным.

Его глаза вспыхивают, взгляд пытливо изучает мое лицо в поисках подсказки, трещинки, за которую могло бы зацепиться понимание. Но там ничего нет. Я исчезла.

Я знаю, что он волнуется. Что в глубине душе его грызет мысль о том, что однажды я могу исчезнуть. Уйти. Что все это было не всерьез.

Однажды утром он проснется, и все в доме будет прежним, только меня там не окажется. Мне знаком этот страх, я вижу его проблески на лице Марка в те моменты, когда мы выбираемся куда-то с друзьями или оказываемся в разных углах заполненной людьми комнаты. Я ловлю этот взгляд и понимаю, что *он* настоящий. Я понимаю это по его лицу. И мне этого достаточно.

Я позволяю улыбке стать видимой, и он вспыхивает радостью. Он смеется. Покраснев от эмоций, я тоже смеюсь, и тогда он берет мое лицо в ладони, прижимаясь губами к моим губам. словно я выиграла гонку. словно я вернулась с войны. Я молодец. *Боже, я люблю тебя, Марк.* Он затаскивает меня в камыши у солончакового болота, и мы трахаемся — отчаянно, вцепляясь друг другу во влажную кожу и комкая шерсть свитеров. Когда он кончает, я шепчу ему в ухо:

— Я настоящая.

Понедельник, 11 июля

Телефонный звонок

В прошлом году я наконец получила финансирование для своего первого сольного проекта от благотворительного фонда помощи заключенным. И теперь, после долгих лет исследований и планирования, все детали начинают складываться в картину, мою собственную полнометражную документальную картину. Я сумела закончить все подготовительные этапы, берясь попутно за фрилансерские проекты, и через девять дней мне предстоит начать съемку личных интервью. Я вложила в этот проект слишком много личного и отчаянно надеюсь, что все детали сложатся, как надо. Планирование может довести лишь до определенного этапа, после чего остается только ждать и смотреть, что выйдет. Это важный год. Для меня. Для нас. Фильм, свадьба — все, казалось, совпало. Но я искренне считала, что нахожусь в той волшебной точке своей жизни, когда все планы, которые я начала воплощать в двадцать лет, наконец финишируют одновременно, словно я каким-то образом намеренно все организовала, хоть я и не помню никаких осознанных попыток это сделать. Наверное, просто так устроена жизнь — сначала ничего, а потом все сразу.

Идея фильма вообще-то очень проста, она пришла ко мне однажды вечером, когда я рассказывала Марку о том, каково это — учиться в школе-интернате. Ночью, после того как выключали свет, мы, девочки, часами разговаривали в темноте о том, что будем делать, когда вернемся домой. Что мы будем есть, когда сами сможем выбирать еду. Мы без конца фантазировали об этих обедах. Мы были одержимы йоркширскими пудингами с подливкой и коктейльными сосисками на палочках. Мы представляли, что наденем, когда наконец-то сами сможем выбирать одежду, и куда пойдем, что будем делать, когда окажемся на свободе. А потом Марк сказал, что по описанию это очень похоже на тюрьму. Мы мечтали о доме точно так же, как о нем мечтают некоторые заключенные.

Вот так и появилась идея документального фильма. Очень простая. Фильм покажет судьбу трех заключенных во время и после

тюремного срока, в формате интервью и съемок скрытой камерой: две женщины и один мужчина будут делиться своими надеждами и мечтами о свободе до и после освобождения. Сегодня мне предстоит последний ознакомительный телефонный разговор с заключенным, затем я буду проводить личные интервью с каждым из трех участников — в тюрьме, до их выхода на свободу. До сих пор я уже несколько раз разговаривала с каждой из обеих кандидаток, а вот получить доступ к мужчине-заключенному оказалось куда сложнее. Сегодня наконец состоится этот дорого обошедшийся телефонный звонок. Я жду звонка от Эдди Бишопа. *Того самого* Эдди Бишопа, одного из последних оставшихся в живых гангстеров лондонского Ист-Энда. Стопроцентно аутентичного гангстера, с «изрублю топором на куски», ночными клубами-казино и рифмованным сленгом кокни. Изначально он был членом банды Ричардсонов, а позднее стал лидером самой большой криминальной банды Лондона, действовавшей на южном берегу реки.

Я смотрю на домашний телефон. Он не звонит. А должен бы. На часах 1 : 12, и я жду звонка из тюрьмы Пентонвилль уже двенадцать — нет, уже тринадцать — минут. Звонки других моих героев, Алексы и Холли, раздавались минута в минуту. Я размышляю, в чем может быть проблема, и молюсь, чтобы Эдди не слился, не передумал. Я молюсь, чтобы не передумало руководство тюрьмы.

Получить одобрение тюремного совета крайне сложно, поэтому части фильма с личными интервью мне придется снимать самостоятельно. Только я и жестко установленная неподвижная камера. На этой стадии кадры будут выглядеть грубовато, но это соответствует сюжету, так что я довольна. Во время съемок второй части, когда мои кандидаты выйдут из тюрьмы, ко мне присоединятся Фил и Дункан.

Фил — это оператор, которого я хорошо знаю и которому полностью доверяю: у него острый глаз, и у нас с ним одинаковый взгляд на эстетику, что, как я понимаю, звучит претенциозно, но, гарантирую, это очень важно. А с Дунканом мы уже работали несколько раз. Он веселый, но, что гораздо важнее, как специалист он уровнем куда выше, чем я могу себе позволить. Для Фила и Дункана этот фильм станет серьезным ударом на финансовом

фронте, финансирование у нас не плохое, но и не хорошее. К счастью, концепция им нравится не меньше, чем мне, и они верят в этот проект.

Я просматриваю пластиковые папки с так тяжело мне доставшимися разрешениями от министерства юстиции и королевской пенитенциарной службы. Больше всего я хочу, чтобы мой документальный фильм сумел преодолеть привычные представления о заключенных, показав этих трех человек с личной стороны, в отрыве от их приговоров. И Холли, и Эдди получили от четырех до семи лет за преступления средней тяжести. Алекса была приговорена к пожизненному заключению с правом на досрочное освобождение, то есть через четырнадцать лет. Но говорят ли эти приговоры хоть что-нибудь о том, что они за люди? Говорят ли о том, кто из них более опасен? Кто из них лучше как человек? Кому можно доверять? Посмотрим.

Я забираю телефон, за которым тянется шнур, к дивану, и сажусь там, в островке падающего из окна света. Пробившееся сквозь листву солнце Северного Лондона тут же согревает мне плечи и тыльную сторону шеи. Каким-то образом британское лето умудрилось задержаться. Обычно нам достается лишь несколько по-настоящему летних дней, но солнце все еще припекает. Три последних недели были солнечными. Говорят, что долго это не продлится, но пока что у нас лето. Марк на работе, и в доме тихо. Только приглушенный шум грузовиков и жужжание скутеров доносятся до меня с далекой Сток Ньюингтон Хай-стрит.

Я выглядываю в георгианские подъемные окна, выходящие на сад за домом. Кошка шагает по стене ограды — черная, с белыми лапами.

Чтобы добиться своего, мне пришлось просить об услугах всех, кого я знала. Фред Дейви, режиссер, давший мне самую первую работу, написал рекомендательное письмо в министерство юстиции. И я уверена, что две его премии БАФТА и номинация на «Оскар» помогли делу куда больше, чем написанный мной сценарий будущего фильма. Канал Ай-ти-ви уже выразил заинтересованность в покупке фильма после его выпуска, а Четвертый

канал хвалил мою работу в другом письме — они уже показывали две мои короткометражки. Моя школа, конечно же, тоже меня поддержала. «Белый куб»¹ дал мне рекомендации, хотя вряд ли они много значили для министерства юстиции. Меня рекомендовали и другие компании, с которыми я работала как фрилансер, и «Креативная Англия»² тоже, что очень помогло мне в поисках финансирования и поддержки до текущего этапа.

А еще, конечно, у меня был Эдди Бишоп. Огромная удача, настоящая мечта того, кто снимает документальные фильмы. Именно благодаря интервью с ним я получила свое финансирование. Так что сегодняшней звонок крайне важен. Потому что сам Эдди крайне важен.

Вы, возможно, этого не знаете, но Эдди вошел в историю британской криминалистики. В возрасте восемнадцати лет он вступил в банду Ричардсонов, в то время находившуюся на пике своего расцвета — как раз перед крахом в 1966 году. В тот год Англия выиграла чемпионат мира, и в тот же год случилась стычка с бандой Креев.

Эдди был идеальным преступником. Надежный, прямолинейный, он всегда доводил дело до конца. Каким бы оно ни было. Без шума и пыли. Он быстро стал незаменимым для братьев Ричардсонов — настолько, что, когда Ричардсонов наконец арестовали летом 1966 года, Эдди Бишоп умело подхватил их бизнес, пока братья и остальные члены банды сидели за решеткой.

По слухам, Эдди перекроил весь преступный синдикат Южного Лондона и управлял им в течение сорока двух лет, а затем его арестовали за отмывание денег — семь лет назад. Четыре десятилетия Эдди управлял югом Лондона, убивал, пытал и пробивал себе путь через город, а в итоге ему сумели дать всего семь лет и только за отмывание денег.

---

¹ Галерея «Белый куб» — одна из самых известных коммерческих галерей современного искусства в Великобритании. Находится на площади Хокстон в Ист-Энде в Лондоне. (*Примеч. ред.*)

² «Креативная Англия» — фонд, инвестирующий в перспективные проекты. (*Примеч. ред.*)

Дзинь-дзинь.

Телефонный звонок разрушает тишину. Он пронзительный, настойчивый, и я тут же начинаю нервничать.

Дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь.

Я говорю себе, что все хорошо. Я ведь уже делала это раньше с другими моими героями. Все нормально. Я судорожно вздыхаю и подношу трубку к лицу.

— Алло?

— Алло, это Эрин Локе? — Голос женский, резкий, ей явно за сорок. Не то, чего я ожидала. И точно не Эдди Бишоп.

— Да, это Эрин Локе.

— Я Диана Форд из тюрьмы Пентонвилль. С вами хочет поговорить мистер Эдди Бишоп. Могу я соединить вас, мисс Локе? — Голос у Дианы Форд скучающий. Ей плевать, кто я и кто он. Для нее это всего лишь один из сотен звонков.

— Э-э, да, благодарю вас, Диана. Спасибо.

И она отключается. Тихий щелчок, звук линии ожидания.

Эдди в жизни не давал никаких интервью. Он никогда и никому ни слова не говорил. Никогда. Я ни секунды не верю, что именно мне удастся взломать эту крепость. Я даже сомневаюсь, что хочу ее взламывать. Эдди был профессиональным преступником дольше, чем я живу на этом свете. Я понятия не имею, зачем он вдруг согласился стать героем моего документального фильма, но он согласился. Как мне показалось, Эдди из тех, кто ничего не делает без причины, и я подозреваю, что довольно скоро он эту причину озвучит.

Я еще раз судорожно вздыхаю. А затем нас соединяют.

— Это Эдди. — Голос у него глубокий и теплый. С богатыми гортанными интонациями, свойственными кокни. Странно наконец слышать его.

— Здравствуйте, мистер Бишоп. Рада, что мы можем пообщаться. Это Эрин Локе. Как вы сегодня поживаете?

Хорошее начало. Очень профессиональное. На другом конце линии раздается шорох, пока он устраивается.

— Здравствуй, милая. Рад, что ты позвонила. Локе, да? Значит, еще не Робертс? И когда же день свадьбы? — говорит он весело, по-дружески.

По его голосу чувствуется, что он улыбается. При других обстоятельствах это было бы замечательно, и я чуть сама не улынулась телефону, но тут же что-то заставило меня замереть. Эдди никак не мог узнать ни о моей приближающейся свадьбе, ни о смене фамилии, ни о Марке. Не мог, если только не наводил обо мне справки. А поскольку он сидит в тюрьме, он должен был поручить *кому-то* наводить эти справки. Что означало процесс куда более серьезный, чем обычный поиск в интернете. Меня нет в социальных сетях. Я избегаю «Фейсбука». Все хорошие документалисты знают, что можно сотворить, имея солидный пласт информации из соцсетей, так что мы держимся от них подальше. И вот, одной простой фразой Эдди Бишоп дал мне понять, что меня для него профессионально изучали. Что он меня изучил. Он здесь главный, и он знает обо мне все. И о Марке. И о нашей жизни.

Я не спешу с ответом. Он проверяет меня. И мне не хочется оступаться в самом начале игры.

— Как я понимаю, мы оба неплохо поработали с информацией, мистер Бишоп. Вы нашли что-нибудь интересное?

В моем прошлом нет ничего компрометирующего, никаких скелетов в шкафу. Я это знаю, но все равно ощущаю себя слишком на виду, ощущаю угрозу. Это его демонстрация силы, словесная черта на песке. Пусть Эдди и провел семь лет за решеткой, но он хочет, чтобы я знала: все ниточки до сих пор у него в руках. Не будь он настолько прямолинеен с самого начала, я уже пришла бы в ужас от этого.

— Весьма обнадеживает, я бы сказал. Прямо успокоило меня, милая. Осторожность ведь никогда не помешает, — говорит он.

Эдди Бишоп счел меня безопасной, но хочет, чтобы я знала: он следит за мной.

Я двигаюсь, встаю, пытаюсь распутать телефонный шнур, и перехожу к делу.

— Спасибо, что согласились принять участие в фильме. Я очень ценю ваше согласие и хочу, чтобы вы знали: я собираюсь брать интервью как можно более прямо и непредвзято, насколько мне это удастся. У меня нет намерения снять что-то вроде

«Соломенных псов»¹, я просто хочу рассказать вашу историю. Точнее, я хочу, чтобы вы рассказали свою историю. Так, как вы хотите ее рассказать.

Надеюсь, он понимает, что я говорю всерьез. Потому что в прошлом ему наверняка не раз пытались подсунуть кота в мешке.

— Я знаю, милая. Как думаешь, почему я сказал тебе «да»? Ты — редкость в наши дни. Только не подведи меня, хорошо? — Он держит секундную паузу, позволяя мне проникнуться сказанным, а затем стряхивает напряжение, переходя на более легкий тон: — Ладно, так когда все начнется?

Теперь его голос кажется деловитым и вполне довольным.

— Ну, наше личное интервью назначено на 24 сентября, до него еще примерно два с половиной месяца. Затем последует ваше освобождение в первых числах декабря. Так что мы можем определить дату ближе к этому времени, после вашего выхода на свободу. Вы не будете возражать, если мы снимем вас в сам день освобождения? — спрашиваю я.

Теперь я в своей стихии, там, где все мои планы срабатывают сами по себе. Если нам удастся заснять в формате скрытой камеры само освобождение Эдди, это будет конфетка.

Он отвечает голосом теплым, но жестким:

— По правде говоря, милая, мне не очень нравится эта идея. День будет довольно насыщенным, если ты понимаешь, о чем я. Может, через пару дней после, хорошо? Подойдет тебе такое?

Это переговоры. Он готов предлагать мне свои варианты — определенно хороший знак.

— Конечно. Мы все устроим по ходу дела. У вас есть мой номер, так что условимся ближе к дате. Не проблема.

Я смотрю, как кошка за домом пятится по забору, выгнув спину и низко опустив голову.

---

¹ «Соломенные псы» (1971) — художественный фильм режиссера Сэма Пекинпа по роману Гордона М. Уильямса «Осада фермы Тренчера», в главной роли — Дастин Хоффман. В 2011 году режиссер Род Лури снял ремейк этого фильма. (Примеч. ред.)

Эдди прочищает горло.

— Есть ли что-то еще насчет интервью или графиков, о чем вы хотели бы договориться уже сейчас, мистер Бишоп?

Он смеется.

— Нет, думаю, что на сегодня это все, милая, разве что я попрошу называть меня Эдди. Рад был наконец пообщаться, Эрин, после того как столько узнал о тебе.

— Взаимно, Эдди. Рада познакомиться.

— О, и передавай от меня привет Марку, дорогая. Он, похоже, хороший парень.

Эта фраза ничего не значит, но у меня перехватывает дыхание. Он присматривался и к Марку тоже. К моему Марку. Я не знаю, что ответить. Пауза в разговоре все тянется, превращаясь в тишину на линии. Он это чувствует.

— И как вы с ним познакомились? — Он оставляет этот вопрос висеть в воздухе. Черт! Вопросы тут должна задавать я.

— А вот это не твое дело, Эдди, разве нет? — говорю я с мученной улыбкой в голосе. Слова звучат гладко, уверенно и, как ни странно, с ноткой сексуальности. Совершенно неприемлемо, но каким-то образом идеально уместно.

— Ха! Нет. Совершенно верно, милая. Совсем не мое дело. — Эдди разражается громким хохотом. Я слышу, как этот смех эхом отдается в тюремном коридоре на другом конце линии. — Очень хорошо, милая, очень хорошо.

Вот так. И мы возвращаемся к работе. Похоже, все складывается отлично. Мы находим общий язык. Я и Эдди Бишоп.

Я улыбаюсь телефонной трубке, на этот раз искренне. Улыбаюсь в своей пустой гостиной, в одиночестве, залитая солнечным светом.

4

Как мы познакомились

Марка я встретила в клубе «У Аннабель», частном заведении в Мэйфэйре. Буду откровенной: «У Аннабель» — не того рода место, где каждый из нас стал бы бывать регулярно. Тогда

я посетила этот клуб в первый и последний раз. Нет, причина не в каких-то ужасах, я хорошо провела там время — боже, я даже встретила там любовь своей жизни, — но и он, и я изначально оказались там совершенно случайно. Если вы никогда не слышали о клубе «У Аннабель», то я уточню: это странный клуб. Он расположен под ничем не примечательной лестницей на Беркли-сквер, и за пятьдесят лет его существования по ступеням клуба кто только не ходил, от президента Никсона до Леди Гаги. Клуб был основан в 1960-х годах Марком Берли¹ с подачи его близкого друга лорда Аспинолла и изначально представлял собой казино того типа, которое посещал бы Джеймс Бонд в исполнении Шона Коннери, а не того, где вас обманывают игральные автоматы. Берли имел связи с королевской семьей, политиками и преступным миром, так что, как вы поняли, собирал у себя весьма сексуальную публику. Он создал тихий маленький клуб для ужинов и знакомств, который истеблишмент обустроил для истеблишмента. В ту ночь я пришла туда не как член клуба, а по приглашению.

С Каро я познакомилась на своей первой работе для Национальной школы кино и телевидения. Я снимала документальную программу о галерее «Белый куб». И была на седьмом небе от счастья, получив такое задание. Мой профессор замолвил за меня словечко перед продюсером и показал мою первую короткометражку, которая ей понравилась. Я стала помощницей телеоператора, Фреда Дейви, одного из моих кумиров. Этот человек впоследствии помог мне заняться первым сольным проектом в документалистике. К счастью, мы хорошо сработались — я умею сходитьсь со сложными личностями. Я появлялась рано и все устраивала — приносила кофе и улыбалась. Попыталась быть невидимой и незаменяемой, балансируя на тонкой грани флирта и ответственности.

Каро в этой передаче являлась говорящей головой. Она была самой умной или, по крайней мере, самой образованной личностью из всех, которые мне только встречались. Каро стала последним обладателем грамоты «За выдающиеся успехи по

---

¹ Марк Берли — известный британский предприниматель. (Примеч. ред.)

ОБ АВТОРЕ

Кэтрин Стивдман — актриса и писательница, живущая в Великобритании. Наибольшую известность ей принесла роль Мэйбл Лейн Фокс в сериале «Аббатство Даунтон». Она выросла в Нью-Форесте, а теперь живет в северной части Лондона с маленькой собакой и среднего размера мужчиной. «Опасная находка» — ее первый роман.

Twitter: @CatSteadman

Літературно-художнє видання

СТЕДМАН Кетрін
Небезпечна знахідка
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 14.08.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 17,64. Наклад 3500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

СТЕДМАН Кэтрин
Опасная находка
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 14.08.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 17,64. Тираж 3500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Ерін мріяла про медовий місяць на Бора-Бора. Але замість райського відпочинку їм із чоловіком Марком довелося стати учасниками смертельно небезпечної пригоди. І все через сумку, яка зачепилася за їхній човен... Сумку, у якій виявилися пачки грошей, діаманти, пістолет і телефон із флешкою. Подружжя вирішує залишити знахідку собі. Ерін повертається до зйомок документального фільму про трьох ув'язнених, з якими вона планує провести інтерв'ю. Але одна з ув'язнених зникає, щойно вийшовши на свободу. Тоді ж Ерін знаходить на телефоні голосове повідомлення — невідомий просить повернути флешку в обмін на два мільйони євро. Але флешка зникла! Хто ж міг красти її? Ерін доведеться дізнатися жорстоку правду...

Стедман К.

С79 Опасная находка : роман / Кэтрин Стедман ; пер. с англ. Т. Ивановой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 336 с.

ISBN 978-617-12-5138-0

ISBN 978-1-524-79718-8 (англ.)

Ерін мечтала о медовом месяце на Бора-Бора. Но вместо райского отдыха им с мужем Марком пришлось стать участниками смертельно опасного приключения. И все из-за сумки, которая зацепилась за их лодку... Сумки, в которой оказались пачки денег, бриллианты, пистолет и телефон с флешкой. Пара решает оставить находку себе. Эрин возвращается к съемкам документального фильма о трех заключенных, с которыми она планирует провести интервью. Но одна из них исчезает, едва выйдя на свободу. Тогда же Эрин обнаруживает на телефоне голосовое сообщение — неизвестный просит вернуть флешку в обмен на два миллиона евро. Но флешка пропала! Кто же мог ее украсть? Эрин придется узнать жестокую правду...

УДК 821.111(73)